

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-102-115

EDN: WUZAYU

ПОД СЕНЬЮ КОРОЛЕЙ

© 2023 г. Ю.А. Нисневич

*НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич, доктор политических наук, профессор,
ORCID 0000-0001-9911-9623, jnisnevich@hse.ru
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000 Москва,
ул. Мясницкая, 20.*

Статья поступила 12.09.2022. После доработки 01.10.2022. Принята к печати 30.11.2022.

Аннотация. Статья посвящена феномену “северные королевства”, который состоит в том, что королевства Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция вышли на передовые позиции в развитии социально-экономической сферы и демократических институтов, занимают самые высокие места в рейтингах развития современных государств. Возможное объяснение этого феномена представляет работа Филипа Манова “В тени королей”, посвященная анализу перехода политического представительства нации от короля к парламенту при переходе от абсолютной монархии к демократии. Благодаря тому что в конституционных монархиях представление единства нации и ее общей воли сохраняется в символическо-репрезентативной форме за монархом и выводится из конкурентного поля политики, в моноэтнических северных королевствах имеет место высокий уровень единения и сплоченности нации “под сенью королей”. Это оказывает влияние на слаженность и эффективность работы системы публичной власти и общественных институтов. Кроме того, в конституционных монархиях королевская власть осуществляет символическо-репрезентативное представительство исторической преемственности, сложившихся культурных и этических традиций и норм поведения, и представители монархических династий могут служить более адекватными ориентирами поведения, чем избираемые политики.

Ключевые слова: “северные королевства”, конституционная монархия, парламент, историко-политический анализ, представительство единства нации.

UNDER THE SHADE OF KINGS

*Yuliy A. NISNEVICH,
ORCID 0000-0001-9911-9623, jnisnevich@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

Received 12.09.2022. Revised 01.10.2022. Accepted 30.11.2022.

Abstract. The article is devoted to the problem of the relationship between monarchy and democracy, the question of whether the monarchical form of government is able to adapt to modern realities and how compatible it is with democracy. This problem is not well understood, and no new political theory has been developed on it since Walter Bagehot published his classic work “The English Constitution” about the British system of government in 1867. The phenomenon of the “northern kingdoms” is investigated, which lies in the fact that the kingdoms of Denmark, the Netherlands, Norway and Sweden have earned advanced positions in socio-economic development and evolution of democratic institutions and are at the top of the modern states’ development ratings. A possible explanation for this phenomenon is that the leading positions of the northern monarchies in the evolution of the political, and as a result, the socio-economic sphere are largely due to the high level of unity of the nation, in which the form of government of these states, the democratic constitutional monarchy, plays a decisive role. To confirm this research hypothesis, the work of Phillip Manow “In the Kings’ Shadow” is used. This work suggests a possible explanation of this phenomenon providing historical and political analysis of the transition of the nation’s political representation from the King to the parliament when moving from absolute monarchy to democracy. In constitutional monarchies, the monarch preserves in symbolical and representational form the concept of national cohesion and the nation’s common will removing it from the competitive field of politics, therefore, monoethnic northern kingdoms have a high level of solidarity and national unity “in the shadow of the king”. This significantly affects coherence and efficiency of the system of public authority and public institutions. Moreover, in constitutional monarchies, the Crown symbolizes and represents historical continuity, cultural and ethnic traditions and norms of behavior; representatives of monarchical dynasties can serve as more adequate role models than elected politicians.

Keywords: “northern kingdoms”, constitutional monarchy, parliament, historical and political analysis, representation of national unity.

About author:

Yuliy A. NISNEVICH, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science.

ВСТУПЛЕНИЕ

Вопрос о перспективах монархий в современном мире не относится к числу наиболее актуальных для политической науки. В средствах массового информирования уделяется существенно большее, чем в научных публикациях, внимание монархическому правлению в современных реалиях, и прежде всего конфликтам в королевских семьях, что инициирует широкие общественные дискуссии о судьбах монархий. Ярким примером может служить публикация в одном из крупнейших таблоидов Норвегии *Dagbladet* статьи об “истории” ссор и неурядиц в королевской семье, правда, не собственной страны, а соседней Дании, перевод которой на русский язык тиражирует сайт ИноСМИ.RU¹. Подобные “истории” опубликованы о королевских семьях Великобритании, Испании, Таиланда, Японии² и других монархий. Династические и коррупционные скандалы, потрясшие крупнейшие монархии Европы, вызвали широкий резонанс далеко за пределами этих стран. Такие скандалы, естественно, не способствуют повышению авторитета и популярности не только королевских семей, но монархического правления как такового.

Но из всего этого вовсе не следует вывод об отмирании монархий в современную эпоху, их неспособности адаптироваться к ее реалиям. Так, социологический опрос зрителей спутникового телеканала *Sky News*, проведенный в 2015 г. в Соединенном Королевстве, показал, что 70% опрошенных “желают, чтобы Великобритания оставалась монархией навсегда”, 73% считают монархическое правление неотъемле-

¹ Эйлертсен Х. Датская королевская семья: супружеская неверность, пьянство и ссоры из-за титула. *ИноСМИ.RU*, 19.08.2017. Available at: <https://inosmi.ru/20170819/240054969.html> (accessed 10.11.2022).

² Литвинова Я. Скандалы в британской королевской семье: тайные принцы, любовники и нацистская форма. *BBC News*, 06.03.2021. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-56299839> (accessed 10.11.2022); Сенин К. Не все могут короли: правившему в Испании 39 лет монарху грозит иск. *Известия*, 26.07.2020. Available at: <https://iz.ru/1038094/kirill-senin/ne-vse-mogut-koroli-pravivshemu-v-ispanii-39-let-monarkhu-grozit-isk> (accessed 10.11.2022); Коростиков М. Гедонизм, собака-маршал и жена на коленях: почему новый король Таиланда может уничтожить монархию. *GQ*, 17.03.2017. Available at: <https://www.gq.ru/heroes/korol-tailanda> (accessed 10.11.2022); Судьба японской принцессы Мако: как выйти замуж и лишиться титула. *Стиль*, 26.10.2021. Available at: <https://style.rbc.ru/people/617802d39a79472b967a82e7> (accessed 10.11.2022).

мой частью британской культуры, 58% доверяют королеве больше, чем большинству политиков, и лишь по мнению 21% монархия – пустая трата денег [ист. 1]. Более сложная картина наблюдается в Испании, где по данным опроса, проведенного в 2020 г. британской международной интернет-компанией *YouGov*, 55% испанцев говорят о необходимости проведения референдума, чтобы решить, станет Испания республикой или останется монархией. При этом не более 35% полагают, что монархия – проблема для страны [ист. 2].

И все же в современных монархиях большинство граждан выступает за сохранение этой формы правления, благожелательно относится и поддерживает правящих монархов. Более того, факты свидетельствуют о стремлении монархий адаптироваться к реалиям современного мира. Важно отметить, что публикации в традиционных и современных средствах массового информирования показывают появившуюся в ряде королевских семей тенденцию отказа от титулов и прав членов королевской семьи в пользу ухода в частную жизнь. Так, в Нидерландах принц Фризо Оранско-Нассауский из-за женитьбы в 2003 г. утратил титул принца Нидерландов и право на престол, в Люксембурге принц Луи Люксембургский также из-за женитьбы в 2006 г. отказался от права на престол, в Японии из-за вступления в “неравные браки” в 2005 г. титула лишилась принцесса Саяко, а в 2021 г. – принцесса Мико, и, наконец, в Великобритании принц Гарри и его жена Меган Маркл, герцог и герцогиня Сассекские, в 2020 г. отказались от обязанностей членов королевской семьи и ушли в частную жизнь. А в Швеции сам правящий король Карл XVI Густав в 2019 г. отстранил от обязанностей членов королевской семьи пятерых из семи своих внуков, чтобы позволить им свободно выбирать профессии [ист. 3].

В качестве еще одной современной тенденции трансформации монархического правления в части династического престолонаследия проявляется тенденция добровольного отречения от престола правящих монархов преклонного возраста в пользу своих наследников [1]. Так, королева Нидерландов Беатрикс в 2013 г. отреклась от престола в пользу своего сына принца Виллема-Александра, король Испании Хуан Карлос I в 2014 г. – в пользу своего сына принца Филиппа, а император Японии Акихито в 2019 г. – в пользу своего сына принца Нарухито. Можно предпо-

ложить, что и эта тенденция представляет собой проявление адаптации монархического правления к современным реалиям.

Действительно, в современном мире сохранилось не так много монархий — всего 29. За минувшие полвека их число сократилось примерно на 20% (Афганистан, Греция, Иран, Лаос, Непал, Эфиопия, Центральноафриканская Республика). Наибольшее количество монархий в Азии — 13, из них 7 — на Ближнем Востоке. В Европе сохранились 12 монархий. Однако не во всех европейских монархиях действует порядок династического престолонаследия. Так, Ватикан представляет собой абсолютную теократическую монархию во главе с Папой Римским, который избирается конклавом кардиналов. В княжестве Андорра его соправителями в соответствии со ст. 43 Конституции княжества являются “в личном и исключительном качестве Епископ Урхельский и Президент Французской Республики”. В Африке — три монархии: две из них в Южной Африке — Королевство Лесото и Королевство Эсватини (до 2018 г. Королевство Свазиленд) и одна в Северной — Королевство Марокко. Еще одна монархия — Королевство Тонга — расположена в Океании, в субрегионе Полинезия.

Современные монархии отличаются по типам политических режимов. К 11 авторитарным монархиям относятся 9 из де-факто 11 азиатских монархий, кроме Японии и Королевства Бутана, а также Королевство Эсватини и Королевство Марокко. Можно отметить, что в 10 авторитарных монархиях, кроме Королевства Эсватини, официальной государственной религией является ислам, что предопределяет актуальность политико-исторического исследования проблемы взаимосвязи авторитаризма и ислама, в том числе и при монархической форме правления.

К 14 демократическим монархиям с династическим престолонаследием относятся 10 европейских монархий, Королевство Лесото, Королевство Тонга, Япония, а также может быть отнесено Королевство Бутан, которое по данным *Freedom House* с 2012 г. является электоральной демократией.

К демократическим государствам с монархической формой правления относятся также 14 государств с Вестминстерской системой, представляющей собой парламентскую модель правления во главе с монархом Великобритании, права и компетенции которого строго ограничены законами. За минувшие полвека из 24 го-

сударств с такой системой правления 10 (около 40%) стали республиками, две из которых — Гамбия и Зимбабве — в настоящее время не являются демократическими.

Таким образом, на сегодняшний день из 42 суверенных государств — членов ООН с конституционной монархической формой правления (Ватикан членом ООН не является) 29 (69%), включая княжество Андорра, представляют собой демократические государства, а 13 (31%), включая королевства Камбоджа и Таиланд, — авторитарные.

В этой связи можно говорить о двух исследовательских проблемах, связанных с монархиями в современном мире. Первая касается стабильности традиционных авторитарных монархий и перспектив либо их трансформации в конституционные, либо замены республиканской формой правления. Вторая, на наш взгляд, не менее сложная и интересная, касается изучения причин устойчивой сопряженности такого архаичного, казалось бы, института, как монархия, с современной полиархической демократией. Именно этой теме и посвящена настоящая статья.

МОНАРХИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Поставленная проблема не относится к числу хорошо изученных. Как отмечается в исследовании группы европейских специалистов, теме взаимоотношений монархии и демократии в политической науке не уделяется должное внимание, так как «никакой новой политической теории по этой теме не было разработано с тех пор, как Бейджхот³ написал о монархии в “Английской конституции” (1867 г.)» [2, р. 4].

По вопросу о том, способна ли монархическая форма правления адаптироваться к современным реалиям и насколько она совместима с демократией, в научном сообществе существуют различные точки зрения. По мнению некоторых экспертов, монархическая форма правления изжила себя, стала историческим анахронизмом и “не мешало бы подумать об упразднении этого разрушительного и анахроничного института”, так как “монархия исключает равенство даже как предлог” [ист. 5]. Другие придерживаются иной

³ Английский экономист и политический аналитик Уолтер Бейджхот в 1867 г. опубликовал свою классическую работу “Английская конституция”, в которой описывает функционирование британской системы правления изнутри [ист. 4].

точки зрения и полагают, что «монархическая система власти не изжила себя, хотя нередко ее называют “отблеском прошлого в современном мире”, она серьезно модернизировалась, адаптировалась к изменившимся условиям и, как показывает практика, вполне готова к новым трансформациям» [1, с. 37]. И прежде всего европейские монархии, которые входят в число самых передовых демократий в мире, бросают вызов “телеологическому предположению, что с течением времени самые передовые демократии станут республиками как высшей формой демократического правления” [2, р. 4].

Эту точку зрения в части монархий Северной Европы подтверждает проведенное Центром Северной Европы Института Европы РАН исследование “Северная Европа – регион нового развития”, в котором показано, что страны данного региона “сумели вырваться в число европейских, а в ряде случаев и мировых лидеров по многим показателям: по уровню развития экономики, конкурентоспособности, степени развития инноваций, развитию информационных, коммуникационных и других высоких технологий, охраны окружающей среды, науки и образования, уровню развития демократических институтов, социальной и правовой обеспеченности населения, борьбы против коррупции, отсутствию криминализации общества” [3]. При этом в процессе современного развития социально-экономической сферы и институтов демократии ведущая роль принадлежит скандинавским монархиям – Дании, Норвегии и Швеции.

На особо значимую роль северных монархий, включая в эту группу и Королевство Нидерланды, в развитии и воплощении в жизнь современных социал-демократических идей также указывает экс-министр Великобритании по европейским вопросам Дэнис Макшейн. Он пишет: “Фактически наиболее эгалитарными государствами в Европе являются северные монархии. Так, Швеция начиная с 1945 г. считается флагманом социал-демократии. Дания и Нидерланды, несмотря на свойственную всем европейским государствам напряженность в вопросе иммиграции и исламистской идеологии, постепенно входят в число наиболее эффективных стран мира, одновременно являясь социально-прогрессивными” [ист. 6]. Кроме того, Макшейн отмечает и еще одну существенную особенность северных монархий. А именно то, что члены королевские семьи, естественно, “не

всех из которых можно считать образцом для подражания”, в целом представляют собой более адекватные ориентиры для поведения, чем избираемые политики, так как они не доходят “до таких глупостей, как Берлускони” или Франсуа Миттеран, скрывавший существование второй семьи, любовницы и дочери [ист. 6].

Можно предположить, что ведущие позиции северных монархий в развитии политической, а как следствие, и социально-экономической сферы во многом обусловлены высоким уровнем единения нации, в котором определяющую роль играет форма правления этих государств – демократическая конституционная монархия.

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАНОВА

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть такую исследовательскую гипотезу, обратимся к опубликованной в России в 2014 г. книге немецкого исследователя Филипа Манова “В тени королей” [4], которая представляет собой исправленный и дополненный перевод его книги “*Im Schatten des Königs*”, вышедшей в 2008 г. Эта работа посвящена историко-политологическому анализу перехода от абсолютного монархического правления к демократии прежде всего в части процесса и результатов перехода политического представительства нации от короля к парламенту.

Следует отметить, что парламентское представительство является одной из проблем первостепенной важности для современной политической науки. Так, только по данным электронного каталога библиотеки НИУ ВШЭ, за последние пять лет по этой проблематике опубликовано более 60 тыс. научных работ. Подавляющее большинство таких работ посвящено вопросам представительства в парламенте различных социальных групп (женщин, этнонациональных общностей, религиозных объединений и т. д.) в контексте представительства единства нации и теории подобия, то есть пропорционального представительства всех составляющих структур общества. В связи с этим достоинство работы Манова состоит в том, что она дает возможность взглянуть на проблему представительства нации как единого целого из исторической ретроспективы с пролонгацией в современность и, опираясь на такой взгляд, по-иному подойти к осмыслению некоторых аспектов этой важной проблемы политической науки.

Отправной точкой исследования Манова служит “судьба предсовременной теории двух тел короля – смертного и физического и вечного политического тела, – теории, занимавшей центральное место в конституционном строе *ancient régime* и часто находившей выражение в пышных сценографиях королевского правления” [4, с. 8]. Теория двух тел короля [5] во многом опирается на теорию политического представительства Томаса Гоббса, в соответствии с которой “король есть народ” и представительство всего королевства принадлежит королю. Как пишет Манов, “согласно конституции *ancient régime*, задача правителя – *represent in toto* (представительство целого)” [4, с. 9], и именно он символизирует единство общества.

Манов ставит своей целью показать, “что политическое тело, хотя его часто и объявляют умершим, продолжает жить в демократии, или, по крайней мере, ведет в ней свое посмертное существование” [4, с. 9]. Это обусловлено тем, что даже в случае полного исчезновения короля функция представительства целого не исчезает, а переходит к парламенту. И при этом порождается новое двойное тело – народ и его парламентское представительство.

В качестве двух базовых типов перехода от абсолютного монархического правления к демократии в исследовании Манова рассматривается переход, обусловленный Английской революцией, которая закончилась “конституционным компромиссом, оставившим за королем – и Палатой лордов – функцию верховного представительства”, и переход, обусловленный Французской революцией, в ходе которой “идея исключительного парламентского представительства нового суверена, народа, одержала триумфальную победу над принципом (полного или частичного) монархического представительства” [4, с. 7]. По сути, хотя об этом и не говорится напрямую, речь идет о сравнительном анализе перехода от абсолютной монархии к демократическому правлению в двух его разных формах – конституционной монархии и республики.

Центральный тезис, на котором базируется рассматриваемый историко-политологический анализ, состоит в том, что автор исследования опровергает “преобладающее в демократических обществах” представление о том, что “переход от суверенитета монарха к народу и его парламентскому выражению в основном положил конец церемониальной, зрелищной, те-

атральной стороне правления” [4, с. 8]. В представлении Манова “всякая политическая власть – и демократия в том числе – нуждается в политической мифологии и продуцирует ее” [4, с. 12] и “любая форма политического правления оперирует в контексте символического ряда, который ее легитимирует и освящает” [4, с. 13].

Методологически опираясь на вышеуказанный тезис, Манов исследует процесс трансформации политического представительства при переходе от абсолютной монархии к демократии, в результате которого “центральным локусом политического правления” становится демократически избранный парламент. Этот процесс исследуется с использованием нестандартного подхода – анализа символическо-репрезентативной формы зала для заседаний парламента и особенно расположения в нем мест. При этом Манов доказывает, что выбор формы зала и схемы расположения в нем мест не может быть объяснен исключительно функциональными и техническими причинами, существенным фактором служит потребность в символическом представлении нового “политического тела”, двойного тела – народа и его парламентского представительства.

В качестве основных архетипов в исследовании используются зал и расположение в нем мест Палаты общин британского парламента и Национального собрания французского парламента.

В британском парламенте скамьи правительства и оппозиции расположены друг напротив друга, что может рассматриваться «как выражение концепции “состязательных” демократических политических дебатов» [4, с. 16], а трибуна спикера расположена в центре торцевой стены. При этом депутаты и члены правительства выступают со своих мест.

Во французском парламенте используется полукруг, что символизирует большую склонность к консенсусу и считается “более подходящим выражением пропорционального представительства всех политических сил” [4, с. 16]. Во французском парламенте докладчики и министры выступают с кафедры спикера или подходят к расположенному перед ней пюпитру. При этом во Франции депутаты имеют право выступать и со своих мест, они “могут сами выбирать, где они желают выступать” [4, с. 23].

Описанные британская и французская схемы расположения мест в парламенте применяются

в парламентах других государств с незначительными модификациями. Британская схема и ее модификация в виде U-образной подковы, обращенной к трибуне спикера, используется прежде всего в государствах с Вестминстерской системой правления, а также в других государствах Содружества наций, а французский полукруг и его модификации — в большинстве государств с республиканскими формами правления.

Далее представленный историко-политологический анализ акцентируется на том, что при переходе от абсолютной монархии к демократии парламент по-разному, в зависимости от того, к какой форме правления — конституционной монархии или республике — осуществляется переход, наследует образ “политического тела” короля.

В Англии процесс наследования происходил постепенно, начиная с того, что “доктрина двух тел короля... должна была интегрировать роль парламента и его право на участие в правлении” [4, с. 39]. Начало переходу легитимности от короля к парламенту положила процедура “король-в-парламенте”. В этой процедуре король участвовал в заседаниях парламента как глава державы вместе с Палатой общин и Палатой лордов, и решения парламента, который находился “в тени короля”, легитимировались его “политическим телом”. Как пишет Манов, «нарастающее абстрагирование идеи политического тела и притязание парламента на роль его носителя достигли своей кульминации 30 января 1649 г., когда Палата общин казнила “природное тело” короля во имя его “политического тела”» [4, с. 39]. После этих событий «в политическом отношении английский парламент занял “политическое тело” короля, однако природное тело монарха не утратило из-за этого своей функции источника единства» [4, с. 9].

В современных конституционных монархиях должность главы государства, за которым сохраняется функция источника единства нации, возлагается на монарха, занимающего эту должность в конституционно установленном порядке престолонаследия. Таким образом, при переходе от абсолютной монархии к демократии в форме конституционной монархии одновременно с тем, что место “политического тела” короля заняло новое двойное “политическое тело” — народ и его парламентское представительство, можно говорить также о сохранении за королем двух тел — природного и символично-репрезента-

тивного “тела представительства” единства нации и ее общей воли. При этом политическое представительство и легитимность парламента находятся “под сенью короля”.

Иначе ситуация сложилась в результате перехода от абсолютной монархии к демократии в республиканских формах.

Как отмечает Манов, казнь в 1793 г. французского короля Людовика XVI, последовавшая через 100 с лишним лет после казни в 1649 г. английского короля Карла I, стала “решительным разрывом непрерывности (*discontinuity*)” политического представительства короля, “насильственное изменение способа политической легитимации означало здесь несопоставимо более глубокий разрыв” [4, с. 40]. В результате Французской революции парламент полностью заменил короля в качестве верховного локуса политической власти, и “палата депутатов сама была теперь новым освященным политическим телом, с кафедрой как главой и пленарным заседанием как устремленным к ней торсом” [4, с. 50]. Именно таким образом, по мнению Манова, теория “политического тела” сохранила свое значение в условиях современной представительной демократии, которая не может рассматриваться в качестве формы правления, лишенной образного ряда.

Но в условиях нового политического представительства и легитимации власти остро встал вопрос о том, насколько парламент, будучи новым “политическим телом”, способен воплотить общественное единство и, “подобно королю, говорить одним голосом”, то есть действительно ли парламент способен отразить все общество и его единство как целого. Именно эту задачу в символично-репрезентативном плане и призвана была решить схема размещения мест в парламенте в виде полукруга или амфитеатра. Такая схема позволила символически решить проблему “многоголосой” демократии “за счет помещения оратора в центре: полития все еще имела множество голосов, однако они могли звучать только по одному” [4, с. 53]. При этом, как пишет Манов, “форма амфитеатра должна пониматься как символ единства, ее семантическое измерение явно не исчерпывается отсылкой к античности, поскольку передает идеологию политического единства, ведущую происхождение от телесных аналогий” [4, с. 55]. Однако вопрос о том, насколько “политическое тело” парламента, продолжающее традицию заменен-

ного им “политического тела” короля, способно не только символически, но де-факто реализовать функцию представительства целого, представительства единства нации, остается, на наш взгляд, открытым.

Значительное внимание в работе Манова уделено таким сторонам парламентского правления, как публичный характер парламентских дебатов, идее парламента как зеркального отражения общества и непрерывности его работы. Эти аспекты парламентского правления рассматриваются «в контексте продолжающего существовать образа “политического тела”, то есть когда мы понимаем их как следы монархии, сохраненные исторической памятью» [4, с. 60]. Достоверность такого подхода Манов обосновывает утверждением о том, что «Французская революция была не началом процесса, просвещенного развоплощения политического порядка, а, скорее, демократической оккупацией тела короля, республиканским “похищением тела”» [4, с. 69].

Значительный интерес в контексте современности вызывает представленный в исследовании Манова сравнительный анализ проблемы парламентской публичности в ее британском и французском вариантах исторического развития.

Вплоть до 1875 г. в британском парламенте действовал запрет на присутствие посторонних. Такой запрет «мог быть инициирован любым членом парламента, который должен был произнести для этого фразу “требую удаления посторонних (*I spy strangers*)”», а парламентские дебаты “оставались закрытыми чуть ли не до середины XIX века” [4, с. 84]. И только “в 1970 г. (!) Палата общин сняла, хотя и не отменила окончательно, последние ограничения на освещение парламентских дебатов” [4, с. 85]. В качестве причины такого отношения к парламентской публичности Манов указывает “на старую доктрину *secret du roi*: не пресса, но парламент являются местом для обсуждения жалоб, а его слушания не должны быть публичными в силу его функции как правового института/Тайного совета” [4, с. 91]. При этом телевизионные трансляции заседаний британского парламента, начавшиеся только в 1965 г., могут влиять на характер парламентских дебатов «в худшую сторону, а некоторые члены парламента могут не устоять перед искушением “обратиться ко всей публике в целом”» [4, с. 91]. По сути, здесь речь идет о том, что в присутствии телекамер депутаты в ущерб профессионально-

му и рационально содержательному обсуждению могут уходить в откровенный, эмоционально окрашенный популизм с целью политической саморекламы, что остается актуальной проблемой парламентаризма и в наши дни.

При этом британский парламента «продолжает нести на себе черты суда общей юрисдикции, где стороны произносят речи и ответные речи... спикер должен следить посредством строго соблюдения правил, чтобы “процесс определения воли парламента соответствовал закону”», и поэтому “публичный характер парламентских слушаний не играет здесь центральной роли” [4, с. 94].

Такое развитие ситуации с парламентской публичностью было невозможно во Франции, “где принцип публичности был тесно связан с народным суверенитетом и достижениями революции” [4, с. 86], а правило, позволяющее “удалять постороннего”, не существовало. Как пишет Манов, “во Франции открытость парламента была центральным моментом легитимации нового порядка” [4, с. 90], и “речи во французском парламенте адресуются всей нации в целом” [4, с. 93]. Это определялось тем, что при подходе к парламентской публичности, порожденном Французской революцией, “в парламенте глас народа звучит опосредованно, через избранных представителей; им поручено говорить от имени народа и обращаясь к народу до тех пор, пока следующие выборы не решат, кто будет говорить за народ в будущем”, и “в этом голосе политического тела и через него конституируется единство физического тела народа” [4, с. 97, 98].

Различия в британском и французском подходах к парламентской публичности обусловлены тем, что в первом случае «формирование единой воли при принятии политических решений невозможно и даже нежелательно; кроме того, “воля народа” не может воплощаться в парламентском большинстве», а “в радикально иной французской концепции все основано именно на возможности порождения единой воли, на воплощении воли народа в парламентском большинстве” [4, с. 95], что и сегодня представляется достаточно дискуссионным.

Далее с концептуальной позиции существования при демократии “политического тела” рассматриваются такие проблемы парламентского представительства, как его пропорциональность и прерывность.

На основании того, что при демократии парламент представляет народ и действует от его имени, возникла теория подобия. Из этой теории, как пишет Манов, следовало: "...подобие должно было существовать, или к нему следовало стремиться, чтобы парламент служил настоящим представительным образом *demos'a*", и «парламент должен служить не только портретом политического тела, но и отражать "сущность всего в целом общественного тела"» [4, с. 99]. При этом политический образ истинного политического суверена должен не только его отображать, но и облагораживать, а «важнейшим механизмом облагораживания в этой политической репрезентации тела народа служат демократические выборы», которые «выступают как надежное средство создания пропорционального портрета» [4, с. 100]. В конституционной монархии, в которой представительство возлагается не только на парламент, но и на короля, отклонения от демократического принципа равного представительства всего народа в парламенте не расцениваются как существенная проблема. При такой форме совместного представительства «на первом месте стоят вопросы формирования и поддержки правительства» [4, с. 102] и принципиально важным считается, чтобы «главные общественные силы ("интересы") имели в парламенте соответствующий вес» [4, с. 103]. Такой подход, на наш взгляд, в большей мере соответствует предложенной Робертом Далем современной интерпретации представительной демократии как демократии полиархической, как «власти многих» [6, с. 90].

Из представленного Мановым анализа принципа прерывности работы парламента следует важное различие между жизнью «тела народа» и «тела короля». Физическое тело народа «бессмертно благодаря нескончаемой череде сменяющихся друг друга поколений» [4, с. 118], а тело его парламентского представительства с законодательно установленной периодичностью «умирает на гильотине выборов». Демократические выборы — это механизм преобразования власти, посредством которого «народ создает для себя новое временное воплощение» в поле политики, а «принцип прерывности, таким образом, подразумевает ритуал политического очищения» [4, с. 119]. С телом короля в конституционной монархии все наоборот — физическое тело короля бrenно, а его «тело представительства» единства нации как целого вечно, пока за королем сохраняется должность главы государства, которая

замещается в конституционно установленном порядке престолонаследия.

Исследование Манова основано на обширной историко-политической фактологии и фундировано привлечением значительного массива исторических, философских и политологических научных трудов. Это исследование позволяет с нового ракурса, с учетом исторической ретроспективы взглянуть на проблемы парламентаризма, сохраняющие свою актуальность и в наши дни. И прежде всего на такие ключевые проблемы парламентского представительства, как представление парламентом единства и единой воли нации и его репрезентативность в смысле пропорционального отражения политического структурирования социума.

ФЕНОМЕН «СЕВЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА»

Анализ работы Манова, в которой нестандартно представлен историко-политологический подход к пониманию ключевых проблем парламентаризма, позволяет предположить, что это исследование открывает также новые возможности для осмысления и поиска содержательного ответа на одну из интереснейших «загадок» современной демократии. А именно почему современные европейские конституционные монархии с правящими демократическими политическими режимами и преимущественно такие монархии, как Дания, Норвегия, Швеция и Нидерланды, занимают самые высокие позиции практически во всех рейтингах по показателям развития современных государств [7]?

Список европейских конституционных монархий с династическим престолонаследием, ранжированный по численности населения, и их основные показатели по данным ООН за 2020 г. представлены в табл. 1.

Значения ключевых показателей развития европейских монархий и занимаемые ими места в рейтингах по этим показателям по состоянию на 2021 г. представлены в табл. 2 и 3. В приведенных таблицах отсутствуют Монако и Лихтенштейн, так как эти «миниатюрные» княжества не включаются во многие проводящиеся в настоящее время государствоведческие исследования. При этом существует гипотеза об особой причинно-следственной связи между малочисленностью населения и демократией, которая нуждается в научно обоснованной проверке по

Таблица 1. Список европейских конституционных монархий

Государство	Численность населения, тыс.	Площадь, км ²	Форма государства	Тип конституционной монархии	Часть Европы
Соединенное Королевство	67 886	242 910	Королевство	Парламентарная	Северо-Западная
Испания	46 755	505 992	Королевство	Парламентарная	Южная
Нидерланды	17 135	41 526	Королевство	Парламентарная	Западная
Бельгия	11 590	30 528	Королевство	Парламентарная	Западная
Швеция	10 099	449 964	Королевство	Парламентарная	Северная
Дания	5 792	43 094	Королевство	Дуалистическая	Северная
Норвегия	5 421	323 759	Королевство	Дуалистическая	Северная
Люксембург	626	2 586	Великое герцогство	Дуалистическая	Западная
Монако	39	2	Княжество	Дуалистическая	Западная
Лихтенштейн	38	160	Княжество	Парламентарная	Западная

Здесь и далее разработано автором.

Таблица 2. Ключевые показатели развития европейских монархий (список ранжирован по качеству демократии)

Страна	Качество демократии		Подотчетность власти		Верховенство закона		Свобода прессы	
	Значение ИД	Место в рейтинге	Значение ИПВ _Н	Место в рейтинге	Значение ИВЗ _Н	Место в рейтинге	Значение ИСП	Место в рейтинге
Норвегия	9.75	1	1	1	0.9952	2	6.72	1
Швеция	9.26	4	0.971	7	0.9663	8	7.24	3
Дания	9.09	6	0.9758	6	0.9808	5	8.57	4
Нидерланды	8.88	11	0.9807	5	0.9471	12	9.67	6
Люксембург	8.68	14	0.9662	8	0.9567	10	17.56	20
Соединенное Королевство	8.10	18	0.8937	23	0.899	22	21.59	33
Испания	7.94	24	0.8068	41	0.7837	42	20.44	29
Бельгия	7.51	36	0.9082	20	0.8894	24	11.69	11

Таблица 3. Ключевые показатели развития европейских монархий (список ранжирован по качеству жизни)

Страна	Качество жизни		Социальное развитие		Удовлетворенность жизнью		Уровень коррупции	
	Значение ИП	Место в рейтинге	Значение ИСП	Место в рейтинге	Значение ИУС	Место в рейтинге	Значение ИВК _Н	Место в рейтинге
Дания	83.9	1	92.15	3	7.62	2	0.12	1
Норвегия	83.5	2	92.63	1	7.392	6	0.15	4
Швеция	83.1	3	91.2	7	7.363	7	0.15	4
Нидерланды	82.2	6	90.57	8	7.464	5	0.18	8
Люксембург	81.1	7	88.75	15	7.324	8	0.19	9
Соединенное Королевство	79.6	13	88.25	18	7.064	17	0.22	11
Бельгия	76.3	23	88.68	16	6.834	20	0.27	18
Испания	75.4	24	87.53	20	6.491	27	0.39	34

результатам самостоятельного политологического исследования [8].

В табл. 2 государства ранжированы по качеству демократии, которое оценивается по индексу демократии (ИД). Значения ИД определяются по результатам исследования, проводимого подразделением британского журнала *Economist* (*The*

Economist Intelligence Unit). Этот индекс изменяется в диапазоне от 0 до 10, и по его значениям политические режимы разбиваются на четыре группы: полная демократия ($8 \leq \text{ИД} \leq 10$); несовершенная демократия ($6 \leq \text{ИД} < 8$); гибридный режим ($4 \leq \text{ИД} < 6$); авторитарный режим ($\text{ИД} < 4$). Результаты показали, что политические

режимы в большинстве европейских монархий относятся к полной демократии, кроме Испании и Бельгии, в которых режимы относятся к несовершенной демократии.

Подотчетность власти оценивается по показателю “учет мнения населения и подотчетность”, его исходные значения определяются по результатам исследования “Качество государственного управления” (*Governance Matters*), проводимого Всемирным банком. Нормированный индекс подотчетности власти $ИПВ_H$, соответствующий этому показателю, изменяется в диапазоне от 0 (отсутствие подотчетности) до 1 (максимальная подотчетность). По представленным данным, во всех европейских монархиях имеет место очень высокий уровень подотчетности власти ($ИПВ_H > 0.89$), кроме Испании ($ИПВ_H = 0.8068$).

Верховенство закона оценивается по одноименному показателю, исходные значения которого также определяются на основании указанного исследования Всемирного банка. Нормированный индекс верховенства закона $ИВЗ_H$ изменяется в диапазоне от 0 (наихудшее состояние законности) до 1 (наилучшее состояние законности). Таким образом, во всех европейских монархиях очень высокий уровень верховенства закона ($ИВЗ_H > 0.88$), кроме Испании ($ИВЗ_H = 0.7837$).

Свобода прессы оценивается по индексу свободы прессы (ИСП), значения которого определяются по результатам исследования, проводимого международной неправительственной организацией “Репортеры без границ” (*Reporters sans frontieres*). Этот индекс изменяется в диапазоне от 0 до 100, и по его значениям ситуации со свободой прессы разбиваются на пять групп: 0–15 – хорошая ситуация; 15.01–25 – ситуация скорее хорошая; 25.01–35 – значительные проблемы; 35.01–55 – сложная ситуация; 55.01–100 – ситуация очень серьезная. По этой оценке в большинстве европейских монархий ситуация со свободой прессы хорошая, кроме Люксембурга, Испании и Соединенного Королевства, где ситуация скорее хорошая.

В табл. 3 государства ранжированы по качеству жизни, которое оценивается по индексу процветания (ИП). Значения ИП определяются по результатам исследования, проводимого британским аналитическим центром *The Legatum Institute*. Этот индекс изменяется в диапазоне от 0 (отсутствие процветания) до 100 (максимальное

процветание) и показывает, что уровень качества жизни (ИП > 75) во всех европейских монархиях очень высокий.

Темпы социального развития оцениваются по индексу социального прогресса (ИСП), его значения определяются по результатам исследования, проводимого неправительственной организацией “Императив социального прогресса” (*The Social Progress Imperative*). Этот индекс изменяется в диапазоне от 0 (минимальный прогресс) до 100 (максимальный прогресс). Следует отметить, что темпы социального развития во всех европейских монархиях приближаются к максимальному прогрессу (ИСП > 87).

Степень удовлетворенности жизнью оценивается по индексу уровня счастья (ИУС), определяемого по результатам исследования, проводимого под эгидой ООН Институтом Земли Колумбийского университета (*The Earth Institute*). Этот индекс изменяется в диапазоне от 0 (счастья нет) до 10 (полное счастье), и во всех европейских монархиях можно видеть высокую степень удовлетворенности (ИУС > 7), кроме Бельгии и Испании ($6 < ИУС < 7$).

Уровень коррупции оценивается по индексу восприятия коррупции, значения которого определяются по результатам исследования, проводимого международной неправительственной организацией *Transparency International*. Нормированный индекс восприятия коррупции ($ИВК_H$) изменяется в диапазоне от 0 (коррупция практически отсутствует) до 1 (максимальный уровень коррупции). Так, во всех европейских монархиях очень низкий уровень коррупции ($ИВК_H < 0.3$), кроме Испании, где ее уровень несколько выше ($ИВК_H = 0.39$).

Анализ данных, представленных в табл. 2 и 3, и результатов других государствоведческих исследований, в которых определяются показатели развития государств, позволяет разделить рассматриваемые европейские монархии на две группы. В первую входят моноэтнические монархии региона Северного моря – Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция. Государства этой группы, обозначим ее условно “северные королевства”, как правило, занимают самые верхние позиции практически во всех рейтингах. Следует отметить, что основными конкурентами “северных королевств” за первые позиции в рейтингах выступают соседствующая с ними Финляндия (видимо, сказывается эффект соседства), Швейцария с неординарной конфедеративной

формой государственного устройства и Новая Зеландия с монархической Вестминстерской системой правления. Вторую группу составляют полиэтнические монархии — Соединенное Королевство, Бельгия и Испания, из которых только Бельгия по Конституции является федерацией, хотя и в двух других де-юре унитарных королевствах имеют место черты федеративного устройства. К этой группе примыкает Великое герцогство Люксембург, в котором законодательно установлены три официальных языка — люксембургский, французский, немецкий и порядка 48% жителей являются иностранцами преимущественно из стран ЕС [ист. 7]. Государства этой группы занимают позиции в рейтингах хотя и достаточно высокие, но несколько ниже, чем “северные королевства”.

Возможный подход к ответу на вопрос, чем определяется феномен “северных королевств”, и предоставляет исследование Манова, в котором показано, что в конституционных монархиях за королем, “политическое тело” которого переходит к парламенту, сохраняется символическо-репрезентативная функция представления единства нации как целого и ее общей воли.

Именно тот факт, что на короля возлагается представительство единства нации и ее общей воли и для парламента такое представительство не столь существенно, служит ключевой особенностью демократической конституционной монархии. Так, в частности, в ст. 56 Конституции Испании сказано: “Король является главой государства, символом его единства и постоянства”, аналогично в ст. 33 Конституции Люксембурга читаем: “Великий Герцог является главой государства, символом единства и гарантом национальной независимости”. Таким образом, при рассматриваемой форме правления символическо-репрезентативное представительство единства и целостности нации выводится из поля политики как сферы конкурентной борьбы различных групп за завоевание, удержание и использование государственной власти с целью придания выражаемым ими интересам общегосударственного значения.

Как видится, в поле политики не только на этапе завоевания (удержания) власти по результатам политической борьбы за голоса избирателей на всеобщих выборах, но и на этапе использования власти, в процессе деятельности парламента, основанной на конкуренции входящих в него политических сил, представительство единства нации, выражаясь языком Манова, — “демокра-

тический фантазм”. Более того, сегодня в пылу политической конкуренции некоторые политики даже и не стремятся декларировать в качестве своей цели единение нации. В поле политики мобилизационное единение нации может иметь место либо при наличии внешней угрозы, либо при решении вопросов общего устройства политической и государственной системы для предотвращения или прекращения гражданской войны и иных общенациональных конфликтов. Примером последнего может служить подписание в 1977 г. в Испании так называемых Пактов Монклоа⁴. При этом следует отметить, что этот компромисс был достигнут “под сенью” восставленной в 1975 г. монархии.

Единство и сплоченность нации в осуществлении общих интересов существенно важно для обеспечения слаженной и эффективной работы всей системы публичной власти и общественных институтов. Такое единство накладывает ограничения на распространение и углубление напряженностей и конфликтов, порождаемых как ключевым механизмом развития общества и государства при демократии — политической конкуренцией, так и иными политическими, экономическими и социальными факторами. Наличие перманентных, неурегулированных или недостаточно урегулированных напряженностей и конфликтов может приводить к определенному снижению качества работы демократических политических и государственных порядков, а соответственно, качества и темпов развития общества и государства.

Для того чтобы единство нации как целого оказывало “оздоровляющее” влияние на управление делами государства и жизнедеятельность социума, такое единство как ценностную категорию необходимо устойчиво закрепить в массовом сознании. А для этого власть должна зримо выражать его символическо-репрезентативное представительство. Современные демократические системы, как писал Манов, имея в виду республиканские формы правления, “столкнулись с трудной дилеммой — невозможности и в то же время необходимости символической репрезентации” [4, с. 17], представления единства и объединения общества.

Парламенту, даже когда на французский манер форма зала для заседаний и расположение

⁴ Пакты Монклоа (исп. *Pactos de la Moncloa*) были экономическими и политическими соглашениями по борьбе с инфляцией и безработицей во время перехода Испании к демократии в конце 1970-х годов.

мест в нем имеют форму полукруга или амфитеатра, что “символизирует большую склонность к консенсусу”, отмечает Манов, “не хватило именно новой символики политического единства” [4, с. 49]. Указанная дилемма в конституционной монархии решается сохранением за королем символично-репрезентативной функции представления единства нации как целого и ее общей воли, притом что практическая реализация этой функции выводится из поля политики. Это можно рассматривать в качестве ключевого фактора, объясняющего феномен “северные королевства”.

Подтверждением того, что данный фактор является ключевым может служить следующее обстоятельство. В полиэтнических европейских королевствах (Бельгии, Испании, Соединенном Королевстве) в поле политики имеют место межэтнические напряженности и конфликты, подрывающие единство нации, которые королевская власть, осуществляющая только символично-репрезентативное представительство такого единства, не в состоянии ни предотвратить, ни купировать. Именно поэтому, представляется, показатели развития этих государств несколько ниже, чем у “северных королевств”.

В качестве еще одного дополнительного фактора, объясняющего феномен “северные королевства”, может рассматриваться следующее.

В конституционных монархиях королевская власть осуществляет не только представительство единства нации, но и символично-репрезентативное представительство исторической преемственности, исторически сложившихся культурных и этических традиций, ритуалов и норм поведения. Сохранение исторической преемственности в церемониальной и зрелищной форме монархического правления способствует единению нации на основе передачи от поколения к поколению исторической памяти, уважения к национальным историческим и культурным корням и традициям.

Несмотря на то что в королевских семействах Европы периодически возникают те или иные сомнительные в морально-этическом аспекте ситуации, публичная демонстрация ритуального соблюдения представителями правящих династий исторически сложившихся культурных и этических норм поведения способствует созданию в массовом сознании устойчивого представления об обязательном присутствии и необходимости соблюдения этических норм. Более

того, при монархическом правлении на монарха возлагается роль “просветителя” общества, который призван на личном примере демонстрировать не только приверженность этическим нормам, но и высокие моральные качества. Ярким примером достойного исполнения такой роли может служить так называемая городская легенда о короле Дании Кристиане X. Согласно этой легенде, после оккупации в 1940 г. Дании нацистской Германией, когда король Кристиан X узнал о приказе об обязательном ношении датскими евреями желтой звезды, он нашел этот знак себе на одежду, сказав, что все датчане равны, и после этого приказ был отменен. Подлинность данной ситуации не установлена, но ряд источников (в частности, [9]) указывает на то, что после посещения синагоги в 1942 г. король Кристиан X сказал: “Если евреев Дании заставят носить символ, который отличает их от других сограждан, то я и моя семья тоже будем носить этот символ”.

Следование “под сенью короля” моральным и этическим принципам и нормам в политике, в управлении делами государства, в экономике и во всем многообразии социальных взаимодействий и отношений позволяет повысить эффективность и качество процессов развития общества и государства, а отказ от таких принципов и правил в конце концов обязательно приводит к разрушительным для социума последствиям.

Следует отметить, что все современные концептуальные подходы к реформированию государственного управления (*New Public Management, Neoweberianism, Governance*) [10], направленные на повышение его эффективности и качества, предлагают, считая это одной из важнейших мер, разрабатывать и применять кодексы и стандарты поведения для публичных должностных лиц. Примером подобных стандартов может служить кодекс поведения публичных должностных лиц “Семь принципов публичной жизни” (*The seven principals of public life*), разработанный в 1994 г. именно в Соединенном Королевстве независимым консультативным органом при правительстве под руководством лорда Майкла Нолана [ист. 8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологический подход “к политической анатомии демократического представительства” в работе Филипа Манова “В тени королей” по-

зволяет определить, на наш взгляд, в существенной мере обоснованные объяснения феномена “северные королевства”, суть которых заключается в следующем.

В “северных королевствах” наблюдается достаточно высокий уровень единения и сплоченности нации “под сенью королей”, что играет важную роль в повышении слаженности и эффективности работы всей системы публичной власти и общественных институтов. Такое единение во многом обеспечивается тем, что символично-репрезентативное представительство единства нации и ее общей воли возлагается на монархические династии и практическая реализация функции такого представительства выводится из конкурентного поля политики. Как отмечает известный знаток монархий француз-

ский журналист Стефан Берн, “монарх – это цементирующая основа нации, символ, который объединяет” [ист. 9].

Кроме того, монархическая форма правления обеспечивает символично-репрезентативное представительство исторической преемственности, исторически сложившихся культурных и этических традиций, ритуалов и норм поведения, и в таком контексте представители монархических династий могут служить более адекватными ориентирами поведения, чем борющиеся за власть избираемые политики.

Но при этом важно отметить, что сохранение или реставрация монархического правления не могут служить панацеей от всех проблем, присутствующих современной демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Федорова-Кузнецова И.В. Монархическая система власти в современном мире и ее особенности. *Общество: политика, экономика, право*, 2019, № 9 (74), сс. 35-38.
Fedorova-Kuznetsova I.V. The monarchical system of power in the modern world and its features. *Obshchestvo: politika, jekonomika, pravo*, 2019, no. 9 (74), pp. 35-38. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/monarhicheskaya-sistema-vlasti-v-sovremennom-mire-i-ee-osobennosti/viewer> (accessed 30.11.2022).
2. Hazell R., Morris B., eds. *The Role of Monarchy in Modern Democracy: European Monarchies Compared (Hart Studies in Comparative Public Law)*. Oxford, Publisher, Hart Publishing, 2020. 328 p.
3. Дерябин Ю.С., Антюшина Н.М., ред. *Северная Европа. Регион нового развития*. Москва, Издательство “Весь Мир”, 2008. 512 с.
Deryabin Yu.S., Antyushina N.M., eds. *The Northern Europe. New Development Region*. Moscow, Izdatelstvo “Ves Mir”, 2008. 512 p. (In Russ.)
4. Манов Ф. *В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства*. Москва, Издательство Института Гайдара, 2014. 176 с.
Manov F. *In the King's shadow. The political anatomy of democratic representation*. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gaydara, 2014. 176 p. (In Russ.)
5. Канторович Э.Х. *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии*. Москва, Издательство Института Гайдара, 2013. 744 с.
Kantorovich E.H. *Two King's bodies. Study on medieval political theology*. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gaydara, 2013. 744 p. (In Russ.)
6. Даль Р. *О демократии*. Москва, Аспект Пресс, 2000. 208 с.
Dahl R. *On Democracy*. Moscow, Aspekt Press, 2000. 208 p. (In Russ.)
7. Нисневич Ю.А., ред. *Индексы развития государств мира: справочник*. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 247 с.
Nisnevich Yu.A., ed. *World Development Indexes: Handbook*. Moscow, Izdatelskii dom Visshei shkoly ekonomiki, 2014. 247 p. (In Russ.)
8. Veenendaal W.P. A Big Prince in a Tiny Realm: Smallness, Monarchy, and Political Legitimacy in the Principality of Liechtenstein. *Swiss Political Science Review*, 2015, vol. 21 (2), pp. 333-349. DOI: 10.1111/spsr.12138
9. Wolden-Ræthinge A. *Queen in Denmark: Margarethe II talks about her life*. Copenhagen, Gyldendal, 1990. 171 p.
10. Нисневич Ю.А., Хахунова А.К. Методология сравнительного анализа и классификационного распределения систем государственного управления. *Полис. Политические исследования*, 2015, № 4, сс. 75-96.
Nisnevich Yu.A., Hahunova A.K. Methodology of Comparative Analysis and Classification of Public Administration Systems. *Polis. Political Studies*, 2015, no. 4, pp. 75-96. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2015.04.08

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / *SOURCES*

1. Соцопрос в Великобритании: большинство – за сохранение монархии. *REGNUM*, 09.09.2015. Opinion poll in the UK: the majority is for the preservation of the monarchy. *REGNUM*, 09.09.2015. (In Russ.) Available at: <https://regnum.ru/news/society/1965903.html> (accessed 06.04.2022).
2. 55% испанцев хотят референдума о судьбе монархии. Euro_royals, 08.10.2020. 55% of Spaniards want a referendum on the fate of the monarchy. Euro_royals, 08.10.2020. (In Russ.) Available at: <https://euro-royals.livejournal.com/775658.html> (accessed 06.04.2022).
3. Король Швеции исключил пятерых внуков из членов Королевского дома. *Аргументы и факты*, 07.10.2019. The King of Sweden has excluded five grandchildren from the members of the Royal House. *Argumenty i fakty*, 07.10.2019. (In Russ.) Available at: https://aif.ru/politics/world/korol_shvecii_isklyuchil_pyateryh_vnukov_iz_chlenov_korolevskogo_doma?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 06.04.2022).
4. *The-English-Constitution. Bagehot Walter*. Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/topic/The-English-Constitution> (accessed 06.04.2022).
5. Harris Peter Backwards Britain: Why It's Time to Abolish the Monarchy. *The National Interest*, 12.03.2020. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/backwards-britain-why-it%E2%80%99s-time-abolish-monarchy-132407> (accessed 06.04.2022).
6. MacShane Denis. Kate et William sont-ils marxistes? *Le Monde*, 02.05.2011. Available at: https://www.lemonde.fr/idees/article/2011/04/28/kate-et-william-sont-ils-marxistes_1514045_3232.html (accessed 06.04.2022).
7. *Le Portail des statistiques Grand-Duché de Luxembourg*. Available at: http://www.statistiques.public.lu/stat/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=12859&IF_Language=fra&MainTheme=2 (accessed 06.04.2018).
8. *The seven principles of public life. The Committee on Standards in Public Life*. 1994. Available at: <http://www.public-standards.gov.uk> (accessed 06.04.2022).
9. Is Europe's monarchy anachronistic? *Euronews*, 19.12.2012. Available at: <https://www.euronews.com/my-europe/2012/12/19/is-europe-s-monarchy-anachronistic> (accessed 06.04.2022).